

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук Яшина Артёма Сергеевича на тему: «Подходы к изучению агентности в современной аналитической философии» по специальности 5.7.2. История философии

Диссертация Артёма Сергеевича Яшина – это почти трёхсотстраничное исследование со списком литературы из 455 позиций, представляющее срез и анализ идущих сейчас дискуссий об агентности и истории их становления, дополненный рядом предложений по их развитию.

В Главе I автор рассматривает серию связанных проблем, центральных для теории действия или агентности. Важной задачей становится проведение демаркации между философской теорией действия и исследованиями свободы воли, моральной ответственности и ментальной каузальности. Демаркация здесь носит несколько искусственный характер, но технически необходима для ограничения объёма исследуемого материала. Искусственность подтверждается тем, что на протяжении главы автор вынужден регулярно обращаться к проблемам указанных областей, и прежде всего к ментальной каузальности, чтобы прояснить и связать рассматриваемые взгляды на агентность. Автор делает это с успехом, демонстрируя владение концепциями, выходящими за установленные в диссертации пределы. В качестве замечания к способу организации материала в главе можно указать недостаток историко-философского внимания к временному порядку дискуссий об агентности: теории последних пятидесяти лет организован не хронологически, а тематически, и лишь в Заключение Первой главы даётся очерк именно истории развития взглядов на эту проблему.

Глава II подходит к проблеме агентности со стороны наук о мозге. Автор начинает с вопроса о языке, что правильно, и занимает скептическую позицию в отношении попыток ревизии обыденного языка «народной психологии». Можно отметить, что эта часть исследования была бы более обстоятельной, если бы в работе был дан анализ концепций современных «витгенштейнцев», таких как Питер Хакер, с ещё большей решительностью критикующих лингвистический нейроредукционизм в защиту «народной психологии» и согласной, как им кажется, с ней классической философии (Аристотеля). Далее автор сталкивается с проблемой демаркации, аналогичной проблеме Первой главы: какие эксперименты считать релевантными для теорий агентности? Способ решения здесь выбран не «концептуальный», а «текстуальный»: важны те, которые фигурируют в текстах философов и учёных, занимающихся осмыслением агентности. Так в фокусе оказываются эксперименты Либета, Вегнера и Газзанига.

Либету, его коллегам и последователям посвящён Параграф 1: проблема интерпретации потенциала готовности, общая философская интерпретация этих экспериментов и её пределы, в частности, соотношение нейрологического «потенциала готовности» и феноменологического «намерения». В конце параграфа

предложено авторская сумма интерпретаций, критика попыток Вегнера и Газзанига представить их как решающее опровержение свободы воли – всё-таки избежать этой проблемы не удаётся и тут – и обоснован вывод об ограниченном характере проводившихся до сих пор экспериментов с произвольным или намеренным действием – то, что в них понимается под «намерением» и «действием» существенно беднее аналогов из нашей нелабораторной жизни. Параграф 2 посвящён редукционистским концепциям Вегнера и Газзанига и их философской критике. В Заключении главы автор собирает впечатляющий перечень вопросов, на которые эксперименты *не* дают ответа.

Глава III посвящена аналитической феноменологии и её отношению с когнитивной наукой. Автор фиксирует «тонкость» и «богатство» опыта агентности и, как и в предыдущей главе, занимает осторожную позицию в отношении редукционистских теорий (иллюзионизма и др.). Трудностью здесь вновь становится обширность и концептуальная сложность исследуемой области. Например, автор вынужден иметь дело с понятием репрезентации и обосновывать свой выбор репрезентационализма в противоположность наивному реализму, и делать это кратко. Определение репрезентации расширяется в Главе IV, но, как признаёт сам автор, этим понятием приходится использовать «с невероятной вольностью» (с. 198). Параграф 1 предлагает разбор когнитивной феноменологии. Автор предлагает считать феноменологию в этом словосочетании «не областью исследований, а чем-то иным» – «гипотетическим множеством феноменальных состояний, сопровождающих ментальные состояния X» (с. 139-140). Это кажется не самым удачным терминологическим выбором, пусть даже его делает не автор (а Гален Стросон): так понимаемый объект исследования точнее было бы называть «феноменальной средой» или «феноменальным обрамлением» или «сопровождением» ментальных состояний – последнее, возможно, лучше, поскольку автор говорит о супервентности феноменальных состояний на интенциональном содержании. «Феноменология», несмотря на все предостережения автора, сделанные во Введении, неизбежно отсылает если не к Гуссерлю, то к специальной дисциплине, исследующей содержание сознания. Далее в третьей главе наблюдается некоторая терминологическая путаница: определения вроде «когнитивная феноменология – это феноменология высокоуровневых процессов» (с. 140) и далее, как кажется, предполагают, что это всё-таки дисциплина, в то время как определения вроде «связанные с непосредственной осведомленностью о действии феноменальные состояния мы и будем называть феноменологией агентности» (с. 167) используют термин в оговорённом автором смысле.

Глава IV посвящена явлению осведомлённости агента. Ещё во Введении автор отмечает неясности, присущие употреблению понятия «направление соответствия» (“direction of fit”) аналитиками в контексте теории действия. Это понятие становится одним из ключевых для проблем четвёртой главы и потому заслуживает более тщательного внимания. Автор пишет, что термин был введён

Э. Энском и позаимствован Сёрлом в 1983 для концептуализации опыта действия. Однако это лишь два эпизода в длинных и интересных приключениях этого понятия, в которых участвовали Аристотель, спорившие о направлении соответствия для божественного и человеческого интеллекта средневековые мыслители (Авиценна, Ансельм, Бонавентура, Фома Аквинский и другие), а в прошлом веке с подачи Дж. Л. Остина оно стало важным компонентом теории речевых актов (которую автор упоминает во Введении). Конечно, эта история идеи не имеет прямого отношения к материалу исследования, но могла бы быть полезной в прояснении важного понятия, которое в таком контексте не оказалось бы просто, как пишет автор, «переложением из теории речевых актов» (с. 203). Споры схоластов иногда помогают понять споры аналитиков, и наоборот.

Это замечание по поводу Главы IV подводит к общей трудности в исследовании А. С. Яшина – трудности с сохранением историко-философской установки по отношению к объекту исследования, к некоторому «презентизму». Философские дискуссии глубиной в полстолетия предстают в работе не в диахроническом развёртывании, а синхронно, существующим в настоящем сплетением аргументов. Разумеется, историко-философскому обращению сопротивляется сам объект: аналитическая философия известна склонностью некоторых её представителей к а- и даже анти-историзму. Пример такой установки Джона Сёрла в отношении понятия интенциональности приведён в диссертации на с. 24: «Что же делать, – спрашивает себя и читателя Сёрл, – столкнувшись со всем этим выдающимся наследием [исследований интенциональности]? Мой подход заключается в том, чтобы его игнорировать». Конечно, выбранный в диссертации подход соответствует собственному представлению большинства её героев, для которых позитивистский антиисторизм – прямое следствие и обратная сторона установки на научную объективность и универсальность. Однако взгляд с более отстранённой историко-философской стороны мог бы различить в спорах об агентности ещё какие-то дополнительные черты – вдобавок к тем, что с такой тщательностью и детальностью были разобраны в этой блестяще выполненной работе.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Работа служит актуальной цели сближения философских теорий агентности и эмпирических исследований этого явления. Вынесенные на защиту положения в диссертации обоснованы, их достоверность обеспечена внимательным анализом релевантной литературы и последовательным применением автором исследовательских методов. Полученные результаты обладают новизной.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.7.2. История философии (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном

университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Яшин Артём Сергеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.2. История философии.

Официальный оппонент:

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

ЧАЛЫЙ Вадим Александрович

27 мая 2024 г.

Контактные данные:

тел.: 8 (495) 939-54-38, e-mail: itm@philos.msu.ru.

Специальность, по которой официальным оппонентом

защищена диссертация:

09.00.03 – История философии

Адрес места работы:

119234, Москва, Ломоносовский проспект, д.27, корпус 4, Ленинские горы, МГУ,
учебно-научный корпус «Шуваловский»,

МГУ имени М.В. Ломоносова, философский факультет, кафедра истории и теории
мировой культуры

Тел.: 8 495 939-19-25; e-mail: info@philos.msu.ru

Подпись верна:

Ученый секретарь
философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
к.филос.н.

Клюева Н.Ю.

28 мая 2024 г.